

Дileммы индийского отставания

The Hindu от 26 сентября пишет: «Глобальная шахматная доска изменилась. Цепочки поставок находятся в движении. Китай перераспределяет капитал. Юго-Восточная Азия строит альтернативные коридоры. Индия претендует на роль в индо-тихоокеанском уравнении, но её экспортная архитектура по-прежнему опирается на несколько прибрежных анклавов». Газета из Ченнаи, штат Тамил Наду, описывает перемещения азиатского капитала, на фоне которых Индия заметно отстает в интернационализации своих ключевых отраслей.

Всего четыре штата – Гуджарат, Махараштра, Тамил Наду и Карнатака – обеспечивают более 70 % всего экспорта индийских товаров, в то время как наиболее густонаселённые штаты – Уттар-Прадеш, Бихар и Мадхья-Прадеш – остаются на обочине, обеспечивая всего 5 % внешней торговли. В индийской дискуссии экспорт товаров рассматривается как показатель международной конкурентоспособности штатов. С этим связана трудность привлечения иностранных инвестиций, которые способствовали бы использованию огромного резерва рабочей силы на берегах Ганга и сбыту продукции индийских предприятий на мировых рынках, а не только на внутреннем рынке.

Пятая часть импорта Индии поступает из Китая, а десятая часть – из Юго-Восточной Азии. В то время как китайские группы экспортируют капитал в Азию, а оттуда товары в Индию, Нью-Дели опасается конкуренции со стороны соседей.

Б. В. Р. Субраманьем возглавляет NITI Aayog, агентство по развитию, созданное в 2015 году для замены Комиссии по планированию, основанной в 1950-м. NITI высказалась за присоединение Индии к азиатскому торговому соглашению RCEP и за осторожную открытость для китайского капитала. В *Business Standard* от 7 октября Субраманьем объясняет, как Индия «упустила свой поезд» по сравнению с такими конкурентами, как Вьетнам, когда в результате реструктуризации в Китае фабрики и рабочие места были перенесены в другие страны Азии. Из-за высоких пошлин, введённых «на факторы производства» в попытке защитить крупные индийские компании, Дели нанесло ущерб конкурентоспособности трудоёмких секторов, которые вынуждены закупать дорогостоящие промежуточные товары у защищённых национальных производств. По мнению Субраманьема, «экспортировать нужно так же свободно, как и импортировать. Если пытаться защищаться, урезая импорт, то и экспорта не будет, и тогда страна будет всё больше отставать. Крупнейший экспортёр в мире, Китай, является также вторым импортёром в мире».

Индийская дискуссия отсылает к сравнительному анализу ключевых регионов Китая и Индии, двух «азиатских гигантов», как назвал их Троцкий в 1908 году. Вспомним Большой залив Гуандуна и дельту Янцзы в Китае, наиболее интернационализированные регионы. С 500 миллиардами долларов Гуандун является первой провинцией как по импорту, так и по экспорту. Дельта Янцзы экспорттировала на 1187 миллиардов в 2023 году и импортировала на 876; Большой залив – на 1083 и 897 миллиардов соответственно. Эти два крупных центра мировой торговли занимают позицию империалистического либерализма по отношению к своим азиатским соседям, с одной стороны, импортируя готовую продукцию, полуфабрикаты и сырьё, что снижает производственные затраты в Китае, с другой – предоставляя кредиты странам Шёлкового пути для экспорта оборудования, машин и инвестиционных товаров. Таким образом, импорт товаров и экспорт капитала являются частью азиатской реструктуризации, которая, как предупреждают в Дели, может оставить Индию на обочине.

Спор в правительстве по поводу направлений либерализма и протекционизма в Индии – это другая сторона медали. По мнению министра иностранных дел Субраманьема Джайшанкара, большинство соглашений о свободной торговле были заключены со странами АСЕАН, которые конкурируют с Индией и чьи цепочки поставок обеспечивают путь для китайских товаров. Нью-Дели, напротив, должен заключать соглашения с «неконкурентоспособными экономиками», то есть с Великобританией, ЕС и США.

По мнению *Business Standard*, ежедневной газеты из Мумбаи, которая публикует обширные выдержки из правительственный дебатов и требует пересмотра присоединения к RCEP, собака кусает себя за хвост: «Основная причина нежелания Индии открыть свою экономику –

это отсутствие конкурентоспособности, что отчасти является результатом её торговой политики» (8 октября). Та же газета считает, что Джайшанкар уходит от сути вопроса: даже «не очень конкурентоспособные» страны всегда смогут покупать товары из более конкурентоспособных источников, которых Индия лишает себя «из-за присутствия Китая» в Азии.

Пекин снял все тарифные барьеры с рядом азиатских стран, в том числе с Бангладеш; за последние десять лет импорт из Индонезии утроился; аналогичные тенденции наблюдаются с Малайзией и Вьетнамом. Большое значение имеют экспорт индонезийского никеля и малайзийской нефти в Китай. Много говорилось о связи между капиталами Шёлкового пути и сырьевыми ресурсами с позиций обвинений Пекина в захвате ресурсов. Безусловно, этот аспект также имеет значение: ресурсы составляют треть китайского импорта и растут быстрее среднего показателя после пандемии. Однако мало внимания уделяется китайскому импорту промышленных товаров, компонентов и оборудования, которые составляют почти половину всего импорта: 36 % импорта из Малайзии, 70 % из Вьетнама и 40 % из Таиланда. Ещё меньше говорится о капиталистическом развитии этих стран, которое делает возможным их торговлю с Китаем и оправдывает приток международного капитала в расширение их внутренних рынков, а не экспорт.

Учитывая вес, который приобретает интеграция азиатских цепочек поставок вокруг Пекина, «пропущенный поезд» в Дели имеет неизбежные политические последствия в условиях ускорения темпов межимпериалистической борьбы.

Комментарий Раджи Мохана в *The Indian Express* от 8 октября исходит из роли Европы в стратегических расчётах Дели и служит предупреждением о растущем индийском отставании. Мохан пишет, что после распада СССР многие «средние державы», в том числе Индия, призывали к «многополярному миру», чтобы сдержать однополярные претензии США. «Но с расширением амбиций Китая Дели начала говорить и о многополярной Азии. Сегодня появился новый уровень: признание всё более глубоких разногласий внутри Запада», между Америкой и Европой. «Взаимодействие с этим “многополярным Западом” теперь стало важным элементом внешней стратегии Индии».

С одной стороны, Европа пытается защитить себя от непредсказуемости США, создавая «независимые оборонные возможности» и добиваясь большей стратегической автономии в рамках «плуралистического Запада». С другой стороны, Индия также развивает отношения с ЕС в рамках своей *многовекторности*, что совпадает с усилиями Нью-Дели по диверсификации своих стратегических партнёрств.

Оценка Мохана относительно поведения Индии в целом позитивна, но оставляет открытыми вопросы о внутренних ограничениях субконтинента, мешающих реализации своего потенциала в области внешней политики. Терпеливое управление Дели турбулентностью эпохи Трампа, возобновление отношений с Европой и Великобританией, поиск pragmatичного баланса между связями с Россией и Западом и недавние усилия по восстановлению связей с Китаем показывают, что Индия способна удержать курс в бурных водах противостояния. «Однако пока неясно, смогут ли внутренние структуры Индии, которые по-прежнему медленно реформируются и модернируются, идти в ногу со скоростью внешних преобразований. Без внутренней институциональной гибкости и экономической модернизации Индия рискует не в полной мере использовать новые возможности, созданные западным плурализмом».

В той неопределённости, на которую указывает Мохан, можно найти подтверждение того, что обсуждение в целом – пусть и в разных формах – вращается вокруг задержек в открытости Индии, протекционистских ограничений и гонки экономического развития в Азии. В некотором смысле сама дискуссия является частью модернизационного импульса, который подчёркивает отставание, чтобы преодолеть его: вспомним редакционную линию *Business Standard*. Индийский слон, тем не менее, занимает четвёртое-пятое место в мировых рейтингах производства; это первая демографическая держава и пятая военная держава в мире, восьмая держава-экспортёр и шестая держава-импортёр. Скорее, трудности заключаются в переходе от воспитательного протекционизма, исторически связанного с молодыми развивающимися державами (начиная с Германии XIX века Фридриха Листа), к своеобразному воспитательному либерализму. То есть к использованию азиатского и мирового рынка в качестве фактора *внешнего принуждения* к модернизации по образцу

китайских «реформ и открытости» 1978 года, если не по образцу индийской попытки «либерализации» 1991 года, которая, по словам её же участников, частично провалилась. «Как и Дэн Сяопин в Китае, индийское руководство понимает, что США являются наиболее ценным внешним партнёром для ускорения национальной трансформации», – пишет Мохан в *The Indian Express* от 29 октября, противопоставляя эту точку зрения линии, отдающей приоритет китайскому капиталу. Открытость по отношению к США будет менее дестабилизирующей.

Однако остаётся проблема обеспечения защиты сельского хозяйства, без которой индийская деревня, столкнувшись с высочайшей производительностью американской агропромышленности, погрузится в разложение. Индия уже давно борется с непростыми дилеммами: её восхождение является последним шагом империалистического развития в Азии, но он происходит в тени китайского гиганта и в условиях кризиса порядка.

Арвинд Субраманьян, консультант правительства Тамил Наду, бывший главный экономический советник правительства Моди и член Института Петерсона в Вашингтоне, в статье в *Business Standard* от 23 октября утверждает, что настоящими жертвами нового китайского торгового шока являются развивающиеся страны Юга. Поэтому открытость по отношению к Китаю требует максимальной осторожности: Пекин экспортирует капитал в Азию, как и США, Европа и Япония, но ещё не отказался от сегментов рынка, наиболее подверженных прямой конкуренции со стороны развивающихся стран.

Экономист оспаривает принятую ангlosаксонскими СМИ точку зрения о том, что Китай теперь сосредоточивается на высокотехнологичных секторах, которые раньше были уделом старых метрополий. По мнению Субраманьяна, промышленная реструктуризация действительно подталкивает Пекин к передовым секторам, но большая часть китайского торгового профицита по-прежнему приходится на «низкоквалифицированные» секторы, включая электронику. Если исключить развитые страны, разрыв между долей Китая в мировом экспорте этих секторов (53 %) и его долей в мировой рабочей силе (25 %) свидетельствует о том, что Китай «продолжает занимать “чрезмерное” пространство, которое могло бы обеспечить десятки миллионов рабочих мест в производственном секторе в более бедных странах».

По мнению Арвinda Субраманьяна, Китай должен быть готов «поглощать импорт и способствовать росту других стран», как это делали Соединённые Штаты после второй мировой войны, «потому что настоящие гегемоны принимают других, а не исключают их». «Гегемонистская легитимность» Китая в Азии – это политическая ставка. И настоящая дилемма Индии.

Ноябрь 2025 г.